

Юрий Поляков: *Культура. - 1994. - № 12. - с. 8.*

НОСТАЛЬГИЯ

Еще пять—семь лет назад сорокалетние литераторы назывались «молодыми». Спасибо, что не юными... Кто знает, может быть, прозаика Юрия Полякова ожидала бы такая же участь. Но случилась перестройка, он вынул из стола все, что «в стол» и писал. И к своему сорокалетию, которое Юрий Поляков отмечает сегодня, он имеет солидный творческий багаж: двухтомное собрание сочинений, большими тиражами выходили его «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Апофигей», «Демгородок»...

— Связываете ли вы свой успех, пришедшую литературную известность с именем Горбачева и открытой им «новой эрой»?

— Да, действительно мои первые повести — «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа», пролежав несколько лет в столе, появились благодаря наступлению гласности. Мы все тогда были счастливы, что можем напечатать свои «потопленные» вещи. Хотя, если быть совсем точным, «ЧП» была напечатана за несколько месяцев до прихода к власти Горбачева в результате многолетнего хождения рукописи по инстанциям. В конце концов победили те, кто считал, что по комсомолу нужно «ударить». А ударить-то было больше нечем,

ибо никому в голову не приходило писать критически об аппарате — это была священная корова. Но в своей парадоксальности и слаженной несогласованности система наша напоминала кафкианский замок. Только этим объясняется появление повести еще во времена застоя. Одноименный фильм режиссера Сергея Снежкина — это уже другое, это комсомол глазами человека, не принимающего этой организации вообще. Я же пытался понять комсомол изнутри. История нас, как говорится, раскусила. Комсомол в конце концов не стало. Выиграла ли от этого молодежь, судите сами. Но я полагаю, что мощнейшими материальными и организационными возможностями

Культура. - 1994. - 12 июля. - с. 9.

ПО РАЗБИТЫМ ОЧКАМ

комсомола можно было бы воспользоваться разумнее, отказавшись, конечно, от идеологического диктата. А к Горбачеву отношение у меня двойственное. Благие намерения в политике требуют железной воли, глубочайшего ума и не оборимого упорства. Ни первого, ни второго, ни третьего у Горбачева, на мой взгляд, не оказалось. А неумелый реформатор гораздо опаснее для любой страны, чем самый замшелый консерватор.

— Практически все ваши вещи написаны, так сказать, на злобу дня, ко времени, что дает вашим оппонентам обвинять вас в конъюнктурности. Вас это не задевает?

— Отвечу так. Начинать я как поэт, но не только писал стихи, а и занимался историей отечественной поэзии, в основном «стихотворцами обоймы военной», если пользоваться выражением Александра Межирова. Издал книгу «Между двумя морями» — о жизни и творчестве поэта-фронтовика Георгия Суворова. Надо сказать, что память о Великой Отечест-

венной войне и опыт ее героики, полученный в наследство, был, пожалуй, одним из самых сильных душевных впечатлений нашего поколения, «не обожженного сороковыми». Так вот, это к вопросу о конъюнктуре, одновременно с книжкой о Суворове я писал свою повесть «Сто дней до приказа», вызвавшую, если помните, бурю негодования в руководстве нашей армии и увидевшую свет в журнале «Юность» только благодаря мужеству тогдашнего редактора Андрея Дементьева да еще некоему замешательству в ГЛАВПУРЕ в связи с приземлением Руста и неожиданными кадровыми перестановками в Министерстве обороны. Кстати, строевые офицеры с самого начала восприняли мою повесть с сочувствием, в отличие от политработников. На одном из литературных вечеров после выхода повести ко мне подошел довольно высокий военный чин и сказал, что не все Поляковы черныя армию, есть и другой писатель с такой же фамилией, который написал замечательную, очень

нужную армии и делу патристического воспитания книжку о поэте-гвардейце Георгии Суворове. Когда я сообщил, что «Между двумя морями» написал я, у него отвисла челюсть.

А ведь и «Сто дней до приказа», и «Между двумя морями» я писал тогда, в начале восьмидесятых, одинаково искренне и от души. Но тогда как конъюнктура воспринималась книга о погибшем поэте, сегодня конъюнктурой стала критика язв армейской жизни. А завтра все может снова перемениться. Общественное мнение играет писателем, но если писатель начинает играть общественным мнением, то превращается в конъюнктурщика. Я этим почти не занимался, а писал — за редким исключением — лишь о том, что меня действительно волнует.

— А что вас особенно волнует сегодня?

— О том, что реформы, проводимые за счет людей и их уровня жизни, ни к чему хорошему не приведут, я начал писать задолго до того, как это

стало расхожим местом в наших СМИ. Недавно изумительный поэт, узник ГУЛАГа, автор знаменитых «Черных камней» Анатолий Жигулин позвонил моему другу и сказал, что у него просто нет денег на хлеб. Кто-то из перестроечных публицистов написал, что все создательные победы эпохи сталинизма не стоят безвременной гибели Николая Вавилова. Так вот я продолжу эту мысль и скажу, что все гайдаровские реформы не стоят сидящего без хлеба Анатолия Жигулина!

Я не буду давать оценок тем людям, которые завели страну в ее нынешний тупик, этим сегодня занимаются вчерашние певцы реформ. Обращу только внимание на бедственное положение нашей культуры, а ведь это всегда лакмусовая бумажка состояния общества. Если при социализме культура финансировалась по остаточному принципу, то сегодня она финансируется по ошметочному. Наше самое — после большевиков — интеллигентное руководство проявило совершен-

ное равнодушие к судьбе отечественной культуры в трудную эпоху вметания страны железной метлой в рынок. Сказалось их марксистское по сути мировоззрение с теорией базиса и надстройки. Мол, сдвинем экономику, а культура сама собой подтянется. Не подтянется. А правительство, экономящее на культуре, рискует в конце концов оказаться во главе оравы дикарей, пусть даже обладающих компьютерной грамотностью.

Сегодня, когда прежде запретные плоды массовой культуры навалом лежат на прилавках, начинаешь понимать, каким эстетическим богатством мы обладали в минувшую эпоху, несмотря на суровый идеологический диктат и социалистический канон. Заметьте: в видеосалонах сегодня гораздо охотнее берут наши отечественные фильмы. Американизированное кино (я имею в виду не вершины, а так называемый средний уровень) — это какая-то бесконечная «баунти», которую можно разрезать в любом месте без всякого ущерба для художественности. А родной наш кинематограф тихо погибает. Деньги, если и находятся, то только на «чернуху», которую так же легко «клепать», как соцреалистические поделки...

Впрочем, не так все мрачно. Выходят такие ленты, как «Ур-

га» и «Утомленные солнцем» Никиты Михалкова. По моим наблюдениям, издательства, поняв, что эротикой и детективами рынок перенасыщен, снова обратились к отечественной классике и современной российской литературе. Те, кто ходит в театры, заметили, наверное, что залы снова полны или по крайней мере не пустуют. Широко обсуждалась многоязычная очередь на выставку Дали. Я недавно в Петербурге был на концерте замечательного дирижера Андрея Аниханова — слушатели стояли в проходах. Думаю, все это связано с тем, что первый шок от неумелых, бездарных реформ прошел, и люди начали возвращаться к привычному для них образу жизни. А наш традиционный образ жизни всегда включал в себя самое тесное общение с искусством. Остается надеяться, что власти предержащие поймут наконец: искусство на самоокупаемость — это такой же нонсенс, как картошка на самоокучиваемость, и направят средства не на удовлетворение собственных неуклонно растущих запросов, а на развитие отечественной культуры. А пока остается надеяться только на меценатов. Но даже если все наши «новые русские» вдруг превратятся в новых дягилевых, без государственной программы восстанов-

ления надломленной отечественной культуры ничего не получится. Даже в богатейшей Америке существует государственная программа приобщения молодежи к серьезной литературе. А у нас мы пока видим совершенно обратный процесс.

Еще одна боль моего сердца — это журнальная литература, которая всегда была одной из особенностей российской культурной жизни. Что говорить, если из читательского поля зрения практически исчезла «Юность»!

— Традиционный вопрос: над чем вы сейчас работаете?

— Пишу новую повесть. Как будет называться, пока не знаю. Это немного смешная, немного грустная, немного фантастичная, а в общем-то правдивая история из московской литературной жизни периода конца застоя — начала перестройки. Многие себя, возможно, узнают. Наверное, обидятся... Но пишу не для того, чтобы кого-нибудь обидеть, а потому, что испытываю ностальгию по тем временам, когда писательские очки, разбитые на вчерашнем ЦДЛ, становились политическим чп всесоюзного масштаба...

Беседу вела
Е. ГРАНДОВА.